

DRAGON'S
GREEN

Scarlett Thomas

ДРАКОНИЙ
ЛУГ

Скарлетт Томас

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК (4Вел)
Т56

Scarlett Thomas

DRAGON'S GREEN

The Worldquake Sequence, Book 1

Печатается с разрешения издательства Canongate Books Ltd.,
14 High Street, Edinburgh EH1 1 TE, UK и The Van Lear Agency
LLC.

Перевод с английского: *Галина Соловьева*

В оформлении обложки использована иллюстрация
Эрвина Мадрида

Jacket design by *Lizzy Bromley*

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Т56 **Томас, Скарлетт**
Драконий луг / Скарлетт Томас.— Москва: Изда-
тельство АСТ, 2017.—382, [1] с.— (Миротрясение).

ISBN 978-5-17-100780-5

Это наша Земля после миротрясения. Земля, лишенная Интернета и мобильных телефонов, застывшая в технологиях на уровне начала 1990-х годов и чувствующая приближение магии. Во время миротрясения Эффи потеряла свою маму, и теперь за ней присматривает дедушка. Когда же он попадает в больницу после жестокого нападения, то завещает Эффи свою коллекцию редких магических книг. Но библиотеку покупает странный антиквар по имени Леонард Левар, и в попытках вернуть ее девочка столкнется с самым опасным приключением в своей жизни. Она отправится в таинственное Иномирье, откроет истинную магию книг, а также столкнется с настоящим драконом и Дибери, ужасающим тайным обществом, угрожающим всей Вселенной. И остановить его может только Эффи со своими друзьями... Пока не стало слишком поздно.

© Scarlett Thomas, 2017

© Галина Соловьева, перевод, 2017

Jacket illustration copyright © 2017 by Erwin Madrid

© ООО «Издательство АСТ», 2017

*Эта книга — для Рода, который отвел меня
на Дракониий луг, когда мне это было нужнее всего,
и показал выход из зачарованного замка.*

*А ещё — для Молли, замечательной
первой читательницы, напомнившей мне,
что я всегда мечтала стать писательницей.*

Мы сами — переменные в уравнении, ноты в аккорде, так что гармония или дисгармония зависит от нас самих.

Роберт Луис Стивенсон

Собери силы духом разума.
Теренс Уайт

1

Миссис Бойкарга Хайд¹ была для детей настоящим ночным кошмаром. Высокая, тощая, с необыкновенно длинными пальцами, острыми, как прутики ядовитого дерева. Её голова над высоким воротничком черной футболки походила на планету, извергнутую из враждебной вселенной, а лицо на фоне толстых твидовых костюмов неземных красно-розовых тонов всегда выглядело бледным, как холодная луна. Никто не знал, длинные ли у неё волосы — она всегда стягивала их в пучок на затылке. Зато они были цвета черной дыры — нет, даже трех, а то и четырех черных дыр вместе взятых. Пахло от неё цветами, каких в обычной жизни нигде не увидишь: эти очень-очень синие цветы растут только высоко в горах, пожалуй, на тех же безжизненных высотах, что и деревья, чьи прутики так напоминали её пальцы.

¹ Большинство персонажей повести носят фамилии известных писателей, но у миссис Бойкарги фамилия одного из героев рассказа Р. Л. Стивенсона «История доктора Джекила и мистера Хайда».

Во всяком случае, такой она виделась Максимилиану Андервуду в тот розоватый, засыпанный палыми листьями последний понедельник октября.

От одного её голоса иной слишком нежный ребенок расплакался бы — и даже от одного воспоминания об этом голосе, среди ночи или в скрипучем школьном автобусе в дождливый день. Миссис Бойкарга Хайд внушала такой ужас, что ей доверяли только старшие классы. Больше всего ее восхищали те сюжеты, где встречалась безвременная и насильственная смерть. Особенно она любила греческий миф о поедании Кроном своих детей. На прошлой неделе класс Максимилиана готовил проект по этому мифу: младенцев-богов мастерили из папье-маше.

На самом деле миссис Бойкарга Хайд просто заменяла у них постоянную учительницу мисс Дору Райт, которая пропала после победы на конкурсе рассказов. Одни говорили, что мисс Райт сбежала на юг, чтобы стать писательницей. Другие — что её похитили из-за этого рассказа. Вряд ли это было правдой, ведь действие её рассказа происходило в замке, принадлежавшем совершенно иному миру. Так или иначе, она пропала, и сейчас переключку проводила эта высокая, внушающая страх заместительница.

А Ефимия Трулав¹, больше известная как Эффи, отсутствовала на уроке.

¹Фамилия семейства Трулав переводится с английского как истинная или настоящая любовь.

— Ефимия Трулав,— в третий раз вызвала миссис Бойкарге Хайд.— Опять её нет?

Почти все ученики первой английской группы первого класса школы Тузиталы¹ для одаренных, трудных и странных детей (школа с перекрученными серыми шпилями, протекающими крышами, с давней и славной историей называлась иначе, но по некоторым причинам стала известна под этим названием) понимали, что миссис Бойкарге Хайд лучше вообще ничего не говорить, поскольку, что ни скажи, окажешься виноват. На её уроках надо было сидеть тише мыши, когда в комнате кош-ка, и молиться, чтобы тебя не заметили.

Даже самые «трудные» ученики первого класса, попавшие в первую группу обманом, благодаря скрытым талантам или по воле случая, знали, что свои проблемы на уроках миссис Хайд лучше держать при себе. Они отыгрывались на переменах, колотя друг друга сильнее обычного. Большинство «странных» находили свои способы защиты. Например, Врана Уайльд, дочь знаменитой писательницы, как раз сейчас накладывала на себя заклинание невидимости из найденной на чердаке книги. Пока что невидимость распространилась только на её карандаш. Другая девочка, Алекса Флакон, или Лекси, вспомнив уроки отца, который вел группы йоги, просто ввела себя в состояние глубокой медитации. Все вели себя очень смиренно и очень тихо.

¹ *Тузитала (рассказчик историй)* — имя, данное туземцами Самоа писателю Р. Л. Стивенсону.

Только Максимильтян Андервуд, как говорится, не схватил фишку.

— У неё, миссис,— сказал он,— дедушка в больнице.

— И? — взгляд миссис Бойкарги Хайд вонзился в Максимильтяна лучами, смертельными для таких беззащитных созданий, как бедняга Максимильтян, для которого школьная жизнь была непрекращающимся адом из-за его имени, очков, новенькой (безупречно отглаженной) формы и глубокого неумемного интереса к теориям миротрясения, случившегося пять лет назад.

— В нашем классе нет места больным дедушкам,— произнесла миссис Бойкарга Хайд убийственным голосом.— А также умирающим родственникам, жестоким родителям, съедающим выполненное задание домашним питомцам, севшим от стирки школьным формам, потерянным завтракам, аллергиям, СДВГ¹, депрессиям, наркотикам, алкоголю, задирам-сверстникам, всякой поломанной технике... мне безразличны, вернее сказать, мне *глубоко* безразличны все страдания и несчастья вашего ничтожного детства.

Голос её усиливался от жуткого шепота до рева:

— ЧТО БЫ НИ СЛУЧИЛОСЬ, МЫ ТИХО ВЫПОЛНЯЕМ ЗАДАНИЕ И НЕ ПРИДУМЫВАЕМ ОПРАВДАНИЙ.

Класс — вплоть до бесстрашного футбольного защитника Вольфа Рида — содрогнулся.

¹ Синдром дефицита внимания и гиперактивности — медицинский диагноз, который часто ставят непоседливым или рассеянными детям. Эффективное лекарство от него неизвестно, но с возрастом обычно проходит.

— Что мы делаем? — потребовала она ответа.

— Мы выполняем задание и не придумываем оправданий! — хором продекламировал класс.

— А как мы выполняем задание?

— Мы выполняем его на отлично!

— А когда мы приходим на урок английского?

— Вовремя! — пропел класс, начав было успокаиваться.

— НЕТ! КОГДА МЫ ПРИХОДИМ НА УРОК АНГЛИЙСКОГО?

— За пять минут? — пропел хор. А если вам кажется, что пропеть вопросительный знак невозможно, то могу сказать, что они очень старались.

— Хорошо. А если что-то не получается?

— Мы должны быть сильными.

— А что случается со слабыми?

— Их наказывают.

— Как?

— Переводят во вторую группу.

— А что означает перевод во вторую группу?

— Поражение!

— А что может быть хуже поражения?

Здесь класс замялся. За прошедшую неделю они всё узнали о поражениях и переводах во вторую группу, научились никогда не жаловаться, не оправдываться и извлекать глубоко скрытые резервы внутренней силы (умение жутковатое, но вполне пригодившееся некоторым особенно трудным детям) и приходиться не просто вовремя, а за пять минут до начала. Что, конечно,

невозможно, если вас на пять минут позже отпустили с пары по математике, или если за два часа физвоспитания Вольф со своей командой регбистов «до 13-ти» спрятал ваши брюки за старой водопроводной трубой.

— Смерть? — рискнул кто-то.

— ОТВЕТ НЕПРАВИЛЬНЫЙ.

Все затихли. Муха прожужжала по классу, опустилась на стол Лекси, а оттуда переползла ей на руку. На уроках миссис Бойкарги Хайд каждый молился, чтобы муха не села ему на руку, чтобы солнечный луч не осветил его стол, чтобы — ужас-ужас! — его новенький пейджер не бипнул, сообщая, что мама нашла забытый дома завтрак или заедет за тобой после школы. Тут взмолишься, чтобы это был не твой стол, не твой пейджер. Чей угодно, только не твой!

— Ты, девочка, — кивнула миссис Хайд. — Итак?

Лекси, как всякий после выхода из глубокой медитации, только и могла, что хлопать глазами. Она понимала, что эта неправдоподобно высокая дама о чем-то её спрашивает, но...

Она не знала ответа, да и вопроса-то не слышала. Может, учительница спросила, что она делает? Лекси снова моргнула и сказала первое — единственное, — что пришло в голову:

— Ничего, мисс.

— Прекрасно. Верно! НИЧЕГО не может быть хуже поражения. Получаешь награду!

И вот до конца урока Лекси, только и мечтавшей, чтобы её оставили в покое, пришлось сидеть с золотой

звездой, приколотой к зеленому школьному джемперу, а бедняге Максимильтяну, так и не понявшему, в чем он провинился, торчать в углу в дурацком колпаке, пропахшем плесенью и дохлыми мышами, потому что это был настоящий, подлинный дурацкий колпак из тех времен, когда учителям разрешалось ставить вас в угол в дурацком колпаке.

А сейчас не разрешается? Может быть, и нет, но не сказать, чтобы ученики миссис Бойкарги Хайд выстраивались в очередь, спеша на неё пожаловаться. Максимильтян, хоть и был одним из самых «одаренных», часто оказывался последним в группе, а теперь ему ещё и грозил перевод во вторую. Хуже приходилось только Эффи, но её-то здесь не было.

